

ТРУДНЫМ ПУТЕМ

АКТЕРЫ И РОЛИ

Они пришли в театр почти одновременно.

Лену привел в театр ее отец — Николай Александрович Улыбин. Он был блестящим актером.

Я его мнения не разделял. Лена казалась мне безнадежно испорченной выступлениями в самодеятельных концертах, сентиментальной. Все же пятнадцатилетняя Леночка была принята во вспомогательный состав.

Завхоз железнодорожной больницы Александр Никитович Поцелуев исполнял ведущие роли в драматическом коллективе Дома работников просвещения и ходил вокруг театра с «просительным» выражением лица: мол, «возьмите меня!». Оказалось, что он однажды был занят в массовке спектакля «Оптимистическая трагедия» и с тех пор не знает покоя.

«Как он играл там?» — расспрашивал я актеров. «Импозантная фигура» — отвечали они уклончиво.

Как-то довелось мне посмотреть Поцелуева в самодеятельном концерте, он пел какие-то бытовые сатирические куплеты. Это была обычная песенка о том, что в ателье шьют костюмы с воротом на месте плеча, о «кусающихся» ценах на мебель и т. д. Одним словом, на каждой самодеятельной эстраде таких куплетов распеваются великое множество. Но исполнение было искрометно, весело, отличалось тонким юмором, прекрасным вкусом.

Я решил посмотреть Поцелуева в спектакле. Не помню названия мелодрамы, шедшей в кружке Дома работников просвещения. На сцене разыгрывалась чрезвычайно «эффектная» ситуация: от ослепшего моряка ушла жена. Он страдал, мучился и прозревал в конце пьесы. Никакое исполнение не могло спасти надуманности сюжета. Поцелуев играл какого-то начальника, которого моряки называли «отцом» — фигура невыгрышная, невыписанная автором. И все же впечатление было большим: среди в общем картонных плоскостных персонажей ходил один живой, полнокровный, чрезвычайно убедительный человек.

Я сказал Александру Никитовичу, что поскольку поступает он к нам в качестве начинающего актера, ставку ему мы можем дать только самую низкую, а она чамного ниже той, что он получает в больнице. Думалось, что такое заявление может родить раздумье у самых заядлых «сценومانов». Но, взглянув в глаза собеседнику, я устыдился собственных мыслей. Его глаза буквально сияли радостью. «Какое это имеет значение!» — сказал он.

Так появились в нашем театре Елена Николаевна Улы-

бина и Александр Никитович Поцелуев.

Молодежи в театре было в то время очень мало. Появление двух начинающих актеров стало в коллективе радостным событием. Но все мы ощущали ответственность за них. Нужно было принимать какие-то шаги,

Е. Улыбина.

чтобы новые наши товарищи творчески росли.

Были организованы занятия по мастерству актера. Это была неофициальная студия всего для двух учащихся. Через год—полтора к ним присоединились слушатели организованной при театре студии. По два—три часа три раза в неделю шли настоящие уроки. Преподавателями были наши режиссеры и актеры. С первых же уроков стало ясно — и Елена Улыбина, и Александр Поцелуев по-настоящему талантливы. Жадно перенимали они опыт старших товарищей.

Когда я оглядываюсь на прошедшие десять лет и задумываюсь над какими-то вехами творческой работы, передо мной далеко не в последнюю очередь возникают образы двух тружеников, страстно влюбленных в театр. Без этой влюбленности не может быть жизни на сцене. В театре может быть либо очень легко (выучил слова и пошел их проносить). Либо очень трудно, когда каждая новая роль — это новая одержимость, постоянные раздумья, терзания, бессонные ночи, вынашивание и рождение образа, который где-то в сознании формируется, а затем предстает живым, доставляющим радость как зрителю, так и своему творцу. Оба наши новые товарищи избрали второй, трудный путь.

Поцелуев прошел всю Отечественную войну. Был тяжело ранен, имеет правительственные награды. Огромный жизненный опыт бойца-патриота помогает ему разглядеть каждое явление с совершенно определенной позиции. А приобретенное мас-

терство дает возможность убедить и зрителей в правильности своего отношения к показываемым событиям.

Улыбина такого опыта не имеет. Однако богатейшая интуиция актрисы помогает ей распознать пути решения того или иного сценического образа.

Многие годы, а иногда и десятилетия актрисы мечта-

А. Поцелуев.

ют сыграть такие роли мирового репертуара, как Верочка в тургеневском «Месяце в деревне», Нину Заречную в чеховской «Чайке», Виолу в шекспировской «Двенадцатой ночи». Улыбина получила их на четвертый—пятый год своей работы в театре. И не только получила, но и справилась с ними.

А Поцелуев? Сколько ролей (и каких!) переиграл он. Тут и доктор Дорн в «Чайке», и Балуев в «Знакомьтесь, Балуев», и певчий Тетерев в «Мещанах», и жандармский ротмистр Бобоев во «Врагах», и слесарь Егор в «Детях солнца» и сэр Тоби Белч в «Двенадцатой ночи» (роль наитруднейшая). За десять лет им исполнено пятьдесят шесть ролей. Большинство из них сыграно сочно, ярко, умно и запомнилось зрителям. Но я не знаю роли (от самой крупной до самой маленькой), которая не заставила бы Александра Никитовича усомниться в своих возможностях. «Да разве я сыграв ее?» — говорит он обычно. И говорит совершенно искренне. А когда созданный им образ получает всеобщее признание, есть лишь один человек, ставший успех под сомнение: «Да разве это так уж хорошо?» Человек этот — артист Поцелуев.

Природная скромность предохраняет его от зазнайства. Первые пять—шесть лет после каждой сыгранной роли он подходил ко мне и, явно смущаясь, прикрывая это смущение грубоватостью формулировки, спрашивал: «Ну как, не надумали еще выгнать меня?». Последние года четыре он перестал задавать этот вопрос.

Но если случается, что по занятости, а то и просто по

невниманию (чего не бывает), я не говорю о результатах его работы над какой-либо из ролей, он делается угрюм, как-то сторонится других актеров и при удобном случае с отчаянием произносит: «Я знаю, вы мной недовольны! Я и сам подумываю, что мне пора уходить из театра». И когда начинаешь говорить, что как раз в этой роли он многого достиг, долго недоверчиво смотрит на меня.

У Лены Улыбиной — другая особенность: она так любит играть, что готова выйти на сцену в любой, буквально в любой роли. Обычно актрисы мечтают показаться зрителям в роли эффектной, броской, которая так описана автором, что играешь ли ты чуть лучше или чуть хуже, если ты не вовсе уж бездарен, успех обеспечен.

Улыбина не ищет выигрышных ролей. Она охотно ухватывается за любую возможность появиться на сцене. «Я буду танцевать среди русалок», — предлагает она, когда ставится сказка. Среди пяти русалок одинаково причесанных, в одинаковых платьях, с одинаковыми движениями, танцующих где-то на заднем плане, к тому же при тусклом призрачном свете — никто ее не увидит, не узнает, не успеет рассмотреть.

Я видел у многих актрис злое выражение лица, когда театр занимает их в массовых сценах. У многих, но только не у Улыбиной.

В прошлом году на репетиции спектакля «Заглянуть в колодезь» (в котором она занята не была) Лена услышала песенку, которую поют за столом на вечеринке в одной из сцен. Она прибежала ко мне: «Посадите меня туда за стол, в массовку. Я буду петь эту песенку! Как она мне понравилась!».

А однажды всерьез попросила занять ее в мужской партизанской массовке: «Эго ничего, что у меня такое лицо! Я оденусь, наклею бороду и усы и возьму трубку», — и была страшно огорчена отказом.

Вряд ли в этих замечках стоит говорить о недостатках. Они имеются у каждого из нас, они есть у каждого актера, даже у великого.

Сегодня хочется говорить о хорошем.

Меня порой упрекают в особо пристрастном отношении к Улыбиной и Поцелуеву. Признаюсь: очень люблю этих артистов. Люблю, как людей талантливых, актеров больших возможностей, на которых театр может опереться.

Я желаю и Елене Улыбиной и Александру Никитовичу Поцелуеву большой творческой жизни!

Их имена уже давно среди ведущих актеров нашего театра. Пусть это их не успокаивает! топчущийся на месте — всегда отстают. В такое уж время мы живем: что хорошо сегодня, завтра — плохо. Помни об этом, Лена! Помни об этом, Саша!

Н. РЕЗНИКОВ,
гл. режиссер областного драматического театра им. А. С. Пушкина, заслуженный артист РСФСР.